

КНИГИ ХАРЛАНА КОБЕНА
В СЕРИИ
«ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА»

Незнакомец
Единожды солгав
Не отпуская
Убегай
Не говори никому
Всего один взгляд
Невиновный
Беглец
Мальчик из леса
Победитель
Я тебя найду

**ХАРЛАН
КОБЕН**

Я ТЕБЯ НАЙДУ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 55

Harlan Coben
I WILL FIND YOU
Copyright © 2023 by Harlan Coben
This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest
Literary Agency
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Вероники Михайловой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-23601-1

© В. О. Михайлова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА 1

Вот уже пятый год я отбываю пожизненное за убийство собственного сына.

Спойлер: я этого не делал.

Моему Мэттью, смыслу всей моей жизни, было всего три, когда он стал жертвой жестокого убийцы, и с той самой минуты я навек приговорен. И это вовсе не фигура речи. Ладно, так и быть: не совсем фигура речи. Даже если бы не было ареста, суда присяжных и приговора, меня в любом случае ждало вечное самозаточение.

Но в моем случае — в очень конкретном случае — фразу «пожизненное заключение» стоит понимать и в прямом, и в переносном смысле.

«Как, — спросите вы, — ты и вправду этого не делал?»

Да, все так.

«Но разве ты не боролся, не отстаивал всеми силами свою невиновность?»

Нет, не то чтобы... Причина этого, как я полагаю, кроется в фигуральном прочтении слова «пожизненное». Проще говоря, мне было плевать на приговор. Да, звучит нелепо, но ведь все ясно как божий день.

Мой сын мертв.

Выделите предыдущий абзац. Продублируйте в голове заглавными буквами. Мой сын мертв, его больше нет, и от того, признала бы старшина присяжных виновным меня или нет, ничего бы не поменялось. В конечном счете, как ни посмотри, я подвел своего сына. Если бы присяжные докопались до истины и оставили меня на воле, живее Мэттью от этого бы не стал. Любой отец должен защищать своего ребенка, это самое главное. И пускай не я держал в руках орудие, пять лет назад превратившее мое прекрасное дитя в искромсанное месиво, которое я увидел в детской, — я не смог этого предотвратить. Я не выполнил долг отца. Не защитил сына.

Виновен я или нет с точки зрения закона, не имеет значения. Я сам себе выдвинул обвинение и вынес приговор.

Вот почему я едва отреагировал, когда старшина присяжных зачитала вердикт. Из этого люди в зале, конечно же, заключили, что я конченый психопат, или социопат, или неменяемый какой-то, или урод. СМИ писали, я не способен испытывать чувства. Не наделен «геном эмпатии», не терзаем угрызениями совести, гляжу на все мертвыми глазами, или как там еще определяют завязтых убийц. Так вот, СМИ набрехали. Я просто ни в чем больше не видел смысла. В ту ночь, найдя мертвого Мэттью в его пижамке с супергероями «Марвел», я получил сокрушительный удар. Удар, поваливший на колени, парализовавший меня. Сил снова встать не нашлось тогда, нет сейчас и уже не найдется.

Вот так и превратилась моя жизнь в пожизненное заключение.

Ну а если вы думаете, что это история о том, как несправедливо меня судили и как я обязательно докажу свою непричастность, то лучше не надо. Это вовсе не главное, да и в принципе не важно. Ну, выйду я из этой вонючей дыры, но разве это означает искупление? Разве это вернет мне сына?

Да о каком искуплении тут можно говорить!

Или, по крайней мере, я так думал, как вдруг ко мне в камеру заявляется охранник по кличке Курчавый, с мозгами набекрень, да и говорит: к тебе, мол, посетитель.

Я и ухом не повел, потому что — ну не может же он иметь в виду меня. За все пять лет, что я здесь, меня никто не навещал. Отец пытался в первый год отсидки. С ним рвалась тетя Софи, плюс парочка близких друзей и родственников, считавших меня невиновным или хотя бы не до конца виновным. Я же отказывался от любых свиданий. Шерил, мать Мэттью и моя тогдашняя жена (теперь уже бывшая, что не удивляет), тоже пыталась навещать меня, хоть и без энтузиазма, но и она осталась ни с чем. Я дал ясно понять, что не потерплю визитеров, поскольку не нуждаюсь в жалости, даже к самому себе. Подобные короткие встречи ничего не дают навещающим и навещаемым. Вот и какой в них смысл?

А через год-два люди и вовсе забыли обо мне. Да и кому охота гонять в тюрьму штата Мэн, кроме, может быть, Адама, но вы поняли. А теперь, впервые за столько лет, кто-то все-таки рискнул навестить меня в Бригтсе?

— Берроуз, шагай за мной! — рявкает Курчавый. — К тебе гости.

- Я морщусь:
- А кто именно?
 - Я похож на мальчика из твоей пресс-службы?
 - Подходит.
 - В смысле?
 - Шутка про пресс-службу подходящая. Обхохочешься.
 - Умничать вздумал?
 - Мне не нужны посетители, — говорю я. — Будь добр, скажи им, чтобы убирались.
 - Берроуз... — вздыхает Курчавый.
 - Чего?
 - Подними свою задницу. Ты анкету не заполнил.
 - Какую еще анкету?
 - Специальный письменный отказ от посетителей.
 - Я думал, в противном случае с меня бы потребовали список гостей.
 - Список гостей, — передразнивает Курчавый, качая головой. — Тебе тут что, отель?
 - А в отелях есть списки гостей? — возражаю я. — Как бы там ни было, я же заполнял какую-то форму с отказом от посетителей.
 - Это когда ты здесь оказался.
 - Верно.
- Тут Курчавый вновь вздыхает:
- Ну, так эту форму нужно каждый год заново заполнять.
 - Что?
 - Ты отмечался в этом году, что не хочешь посетителей?
 - Нет...

— Ну вот, — разводит руками Курчавый. — А теперь вставай.

— А нельзя просто передать посетителю, чтобы шел домой?

— Нет, Берроуз, нельзя, и я скажу тебе почему: это будет напряжнее, чем дотащить до него твой зад. Если я соглашусь, мне, видишь ли, придется объяснять, почему ты не вышел, твой гость забросает меня вопросами; мне, скорее всего, придется самому корячиться над анкетой, а я в гробу ее видал; затем анкету нужно отнести тебе, и весь этот бедлам, знаешь, весь этот геморрой мне не нужен. И тебе, поверь, не сдался. Значит, вот как все будет: сейчас ты встаешь и идешь со мной, на свидании можешь просто сидеть молчком — мне плевать, потом ты заполняешь нужную анкету, и мы раз и навсегда закрываем этот вопрос. Улавливаешь?

Я пробыл здесь достаточно для понимания, что слишком долгие препирательства не только бесполезны, но и вредны. Да и мне, по правде говоря, теперь любопытно, что там за визитер.

— Улавливаю, — отвечаю я.

— Супер. Идем.

Дальше — хорошо знакомое упражнение. Я позволяю Курчавому надеть наручники, а затем цепь на живот, чтобы приковать к талии мои руки. Оковами на ногах он пренебрег — в основном потому, что с ними неудобно возиться. Нам предстоит долгая прогулка от БПЗ (блок предупредительного заключения, если вы не в курсе) тюрьмы Бриггс до гостевой зоны. Сейчас в БПЗ отбывают наказание восемнадцать человек, из них семеро растлителей малолетних, четверо

наильников, двое серийных убийц-каннибалов, двое «просто» серийных убийц, двое убийц полицейских и, конечно же, один детоубийца (ваш покорный слуга). Элитная публика.

Курчавый бросает на меня тяжелый взгляд, и это странно. Большинство охранников — скачующие якобы-полицаи и/или качки, что смотрят на нас, заключенных, с бесконечной апатией. Хочется спросить Курчавого, в чем дело, но я знаю, когда лучше помалкивать. Здесь быстро этому учат. Я иду на дрожащих ногах. Почему-то так нервничаю. Я-то, честно говоря, пообвыкся здесь жить. А ведь в тюрьме несладко — намного хуже, чем вы можете себе представить, но я все равно приспособился. И тут — бац! — посетитель, кем бы он ни был, приперся после стольких лет, чтобы рассказать последние новости.

Мне уже тошно.

Вспоминается, сколько крови было той ночью. Я то и дело вспоминаю кровь. И сны о ней вижу, хотя теперь и не так часто. Сначала кровь снилась мне каждую ночь. Сейчас я бы сказал — пару раз за неделю, но счет не веду. В тюрьме время течет не так, как на воле: оно то замирает, то снова бурлит, брызжет, виляет. Помню, как моргнул, проснувшись в ту самую ночь в супружеской постели. Тогда я не посмотрел на часы, но для тех, кто любит точность, поясню, что было четыре утра. В доме было совсем тихо, и все же я каким-то образом почувствовал: что-то не так. А может, это я сейчас себя так обманываю. Наша память частенько изобретательнее любого рассказчика. Словом, есть вероятность, что я вообще ничего не почувял. Не знаю. Вроде бы я не вскочил стрелой с кровати, а, напротив, просыпался не спеша. На несколько минут

мой мозг завис в странном состоянии между сном и явью, потихоньку возвращаясь к действительности.

Но вот наконец я сел на постели. Встал, направился по коридору к комнате Мэттью.

И тогда я увидел кровь.

Она была краснее, чем я мог себе вообразить, — яркой и сочной, как восковой мелок, кричащего, издевательски-алого цвета, напоминающего клоунский грим на белой простыне.

Мною овладела паника. Я позвал Мэттью. Неуклюже, сильно ударившись о дверной косяк, ворвался в его комнату. Снова произнес имя — но Мэттью молчал. Я промчался по спальне и нашел... что-то неузнаваемое.

Мне сказали, что я кричал.

И когда вошли полицейские, я все еще кричал. Мои крики, как осколки стекла, терзали каждую частичку моего тела. Должно быть, в какой-то момент я умолк. Этого тоже не помню. Может, сорвал голосовые связки, не знаю, но эхо тех криков так и не оставило меня. Осколки по-прежнему режут, кромсают, калечат.

— Поторопись, Берроуз, — говорит Курчавый. — Она заждалась.

Она.

Он сказал «она». На мгновение я представляю, что это Шерил, и мое сердце начинает биться сильнее. Но нет, она не придет, да я этого и не хочу. Мы были женаты восемь лет. Большую часть из них — счастливо, как мне казалось. Под конец брак перестал быть таким уж крепким: все новые и новые стрессы порождали трещины, а трещины сливались в пропасть между нами. Сумели бы мы ее преодолеть? Не знаю.

Иногда я думаю, что Мэттью помог бы нам в этом, что наличие общего ребенка сплотило бы нас, но, возможно, я лишь принимаю желаемое за действительное.

Вскоре после суда я подписал бумаги — согласие на развод. С тех пор мы с Шерил и словом не обмолвились, но это был скорее мой выбор, чем ее. Так что мне ничего не известно о ее теперешней жизни. Я понятия не имею, где она живет, страдает ли по-прежнему, скорбит ли, а может, смогла все-таки перевернуть страницу. И я думаю, лучше мне всего этого не знать.

Ну почему в ту ночь я не мог уделить Мэттью больше внимания?

Я не говорю, что был плохим отцом. Нет, это не так. Однако в тот вечер у меня просто не было настроения, ведь с трехлетками бывает и трудно, и скучно. Это любой подтвердит. Все родители уверяют, будто каждое мгновение, проведенное с ребенком, им в кайф, хотя это неправда. Во всяком случае, такая мысль посетила меня в тот вечер. Я не прочел Мэттью сказку на ночь, потому что мне этого не хотелось. Ужас, правда? Я просто отправил своего ребенка спать, чтобы сполна отдался собственным бесконечным тревогам и переживаниям. Идиот, сущий идиот. Вечно мы позволяем себе быть идиотами, пока в жизни все хорошо.

Шерил, которая на тот момент едва-едва закончила ординатуру по общей хирургии, работала в ночную смену в отделении трансплантации Бостонской клинической больницы. Дома были только я и Мэттью. Я выпивал. Вообще-то, я не завзятый пьяница, мой организм с трудом выдерживает крепкий алкоголь, но именно он принес мне если не утешение, то безразличие к тому, что в последние месяцы наш брак не

оправдывал себя. Я принял на грудь, и выпивка, судя по всему, подействовала на меня сильно и без промедления. В общем, я набрался как следует и отрубился, а значит, вместо того, чтобы присматривать за своим сыном, и защищать его, и проверять, заперты ли двери (а они оказались не заперты), и прислушиваться к чужим шагам, и просто, черт возьми, услышать, как ребенок кричит от ужаса или в агонии, я был в состоянии, про которое прокурор насмешливо сказал: «Глядел в дно бутылки».

А больше я не помню ничего, кроме запаха, разумеется.

Я знаю, о чем вы думаете. «Может, он, — это вы про меня, — и вправду это сделал!» В конце концов, доказательства моей вины были неопровержимы. Я вас понимаю. Честно. Иногда я и сам испытываю сомнения. Нужно быть поистине слепым или умалишенным, чтобы отбросить такой вариант, поэтому дайте-ка я расскажу вам короткую историю, которая, как мне кажется, имеет прямое отношение к делу. Однажды ночью я сильно ударил Шерил. Мне снился кошмар: в нем гигантский енот напал на нашу собачку Ласло, и я в панике пнул енота со всей дури — но попал по ноге жены. Сейчас я помню, как до странности нелепо Шерил изобразила невозмутимость, слушая оправдания («Ты бы хотела, чтобы я позволил еноту сожрать Ласло?»), вот только она, моя замечательная жена-хирург, обожавшая Ласло и всех собак на земле, кипела от злости.

«А может, — сказала мне Шерил, — в глубине души ты мечтал сделать мне больно».

Жена произнесла это, улыбнувшись; и мне даже в голову не пришло, что она это всерьез. Но возмож-

но, она действительно так думала. Мы тут же забыли об этом инциденте и провели вместе отличный день. Но теперь я часто вспоминаю тот раз. Ведь в ночь убийства я тоже спал и видел сон. Ударить разок не значит убить, но кто знает, как могло повернуться? Орудием убийства была бейсбольная бита. Миссис Уинслоу, сорок лет жившая в доме за нашими деревьями, видела, как я закапывал битку. Вот ведь парадокс, хоть я и задавал себе вопрос, какой еще тупица мог бы закопать орудие убийства в непосредственной близости от места убийства да еще и не стереть отпечатки пальцев. И это далеко не последняя странность. Например, пару раз я уже засыпал после одного-двух стаканов слишком крепкого пойла — а кому не приходилось? — но так крепко — никогда. Возможно, мне подсыпали наркотик, но к моменту, когда меня сочли главным подозреваемым, для анализа на вещества было слишком поздно. Местные полицейские, многие из которых уважали моего отца, поначалу поддерживали меня. Они проверили нескольких негодяев, которых он посадил, но даже я понимал, что для этого не было оснований. Да, много лет назад отец нажил себе врагов, — и вот кто-то из них ради сомнительной мести решил убить трехлетнего малыша? Что-то тут не складывалось. Признаки сексуального насилия отсутствовали, какой-либо другой мотив — тоже, так что на самом деле, если суммировать все факты, оставался только один возможный подозреваемый.

Я.

Могло случиться что-то наподобие сна про енота. Не так уж это и немислимо. Мой адвокат Том Флорио хотел представить эту догадку на суде. Моя семья или по крайней мере некоторые члены семьи предла-

гали мне одобрить эту линию защиты. Признать себя ограниченно дееспособным или как-то так. За мной замечали симптомы лунатизма и другие странности, которые можно было бы списать на проблемы психического здоровья, если вас интересуют терминология. Это поможет оправдаться, советовали близкие.

Но — нет, я не хотел признавать за собой психических отклонений, потому что, несмотря на все доводы, я этого не делал. Я не убивал своего сына. Я знаю, что не делал этого, я просто уверен. И да, знаю-знаю: так говорят все преступники.

Курчавый и я проходим последний поворот. Тюрьму Бриггс закатали в бетон от «Ёрли Американ», и все кругом, включая дорогу, казалось размыто-серым, будто полинявшим после дождя. Вот куда я попал напрямиком из своего дома в колониальном стиле, с тремя спальнями и двумя с половиной ванными, дома, где солнечный свет, пробиваясь сквозь зеленые ставни, заливал интерьер природных тонов и сосновый антиквариат; а расположение тот дом имел самое удобное — на участке в три четверти акра в самом конце улицы. Да что уж там. Здешнее окружение меня нисколько не напрягает. Рано или поздно понимаешь, что любая обстановка не вечна, она иллюзорна, и обращать на нее внимание бессмысленно.

Жужжит сигнальный звонок, и Курчавый открывает дверь. Во многих тюрьмах помещения для свиданий уже окультурили. Там менее опасным заключенным разрешают занять один стол с гостем или гостями — никаких тебе перегородок или заграждений. Но я-то в другой тюрьме. Здесь, в Бриггсе, по-прежнему красуется пуленепробиваемое оргстекло. И ждет меня металлический табурет, привинченный к полу. Мою

цепочку на животе ослабили так, что я могу взяться за телефон. Только так и общаются посетители в тюрьмах максимального уровня безопасности — по телефону и через оргстекло.

Моя гостья — вовсе не экс-супруга, хотя сходство налицо. Это сестра Шерил, Рейчел.

Рейчел сидит по другую сторону стекла, и я вижу, как ее глаза округляются, оценивая меня. Ее реакция почти что забавляет. Я, когда-то ее любимый зять, человек с незаурядным чувством юмора и бесшабашной улыбкой, за пять лет, безусловно, изменился. Интересно, на что Рейчел обращает внимание в первую очередь? Похоже, на худобу. Или, куда вероятнее, на переломанное лицо — кости-то неправильно срослись. А может, на мертвенно-бледный цвет лица или на опущенные плечи, что некогда были спортивными, или на истончившиеся и поседевшие волосы.

Я сажусь и смотрю на нее через оргстекло, беру телефонную трубку. Жестом показываю Рейчел, что она должна сделать то же самое. Когда та подносит трубку к уху, я говорю:

— Зачем ты здесь?

Рейчел почти удается улыбнуться. Мы с ней всегда были близки. Мне нравилось проводить время с ней, как и ей — со мной.

— Не очень-то вежливо, мне кажется.

— Ты пришла сюда для обмена любезностями, Рейчел?

Теперь на ее лице ни намека на улыбку. Рейчел качает головой:

— Нет.

Я жду. Рейчел выглядит очень уставшей, но красота все еще при ней. Ее волосы такие же пепельно-ру-

сые, как у Шерил, а глаза — темно-зеленые. Я ерзаю на стуле, глядя на нее исподлобья, ведь смотреть ей прямо в лицо невыносимо.

Рейчел моргает, сдерживая слезы, и снова трясет головой:

— Это чистое безумие.

Она опускает взгляд и на мгновение вновь становится похожа на восемнадцатилетнюю девушку, с которой я познакомился, впервые придя в гости к Шерил в Нью-Джерси; тогда я учился на первом курсе Амхерст-колледжа. Родители сестер не слишком одобряли выбор Шерил, они видели во мне какого-то синего воротничка (еще бы, с отцом-полицейским и детством, проведенным в таунхаусе). Рейчел, напротив, сразу же прониклась ко мне симпатией, и я полюбил ее самой нежной любовью, какую мог бы питать к младшей сестре. Я заботился о ней. Я стремился ее защищать. Год спустя я помог ей, свежее испеченной студентке, перебраться поближе в Лемхоллскому университету, а позже — в Колумбийский университет, где Рейчел изучала журналистику.

— Столько воды утекло, — вздыхает Рейчел.

Я киваю. Хочется, чтобы она поскорее ушла. Слишком больно вот так видеть ее. Я жду, но она молчит, поэтому я все-таки открываю рот, тем самым бросая такой нужный ей спасательный круг.

— Как Сэм? — спрашиваю я.

— Хорошо, — отвечает Рейчел. — Сейчас работает в «Мертон фармасьютикалз». Занимается продажами. Он дорос до менеджера, много путешествует. — Затем она пожимает плечами и добавляет: — Мы развелись.

— О, — говорю я. — Мне жаль.

На самом деле мне не жаль, что та избавилась от Сэма. Мне всегда казалось, что он недостоин Рейчел, и то же самое я думал в отношении других ее ухаже-ров.

— Все еще пишешь статьи для «Глобуса»? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает она тоном, который ясно дает понять: тема закрыта.

Мы сидим молча еще несколько секунд. Затем я делаю еще попытку:

— Это из-за Шерил?

— Нет. Не совсем.

Я сглатываю:

— Как она?

Теперь Рейчел сидит, ломая руки. Она смотрит куда угодно, только не на меня.

— Она снова замужем.

Эта новость ошеломляет меня, как удар под дых, однако я даже не вздрагиваю. «Вот поэтому, — думаю я, — вот поэтому я и не хотел никаких посетителей».

— Она никогда не считала тебя виновным, знаешь? И мы тоже.

— Рейчел, послушай...

— Что?

— На кой черт ты сюда пожаловала?

И опять эта тишина. Позади Рейчел я вижу еще одного, незнакомого мне, охранника, который пялится на нас. В помещении сейчас находятся еще трое заключенных, никого из них я не знаю, потому что Бриггс — слишком большая тюрьма, а я стараюсь держаться особняком. Меня накрывает желание встать и уйти, но тут Рейчел прерывает молчание.

— У Сэма есть друг, — говорит она.

Я жду.

— Вернее, не совсем друг. Коллега. Из маркетингового отдела. Тоже менеджер в «Мертон фармасьютикалз». Его зовут Том Лонгли. У него жена и двое сыновей. Хорошая семья. Мы иногда встречались на корпоративных барбекю и все такое. Его жена Ирэн довольно забавная, она мне нравится. — Рейчел останавливается и качает головой: — Куда-то не туда я вернула.

— Нет-нет, — отвечаю я. — Пока что звучит очень захватывающе.

Рейчел веселит — и вправду веселит! — мой сарказм.

— Узнаю старину Дэвида, — кивает она.

Какое-то время мы снова проводим в молчании, но вот Рейчел снова заговаривает — уже медленнее, с расстановкой:

— Два месяца назад Лонгли были на корпоративном отдыхе в парке развлечений в Спрингфилде. Кажется, парк назывался «Шесть флагов». Они взяли с собой и сыновей. Мы с Ирэн по-прежнему дружим, так что на днях она пригласила меня на обед. И там она рассказывала о той поездке, заодно насплетничав, что Сэм вроде как прибыл с новой подружкой. Мне-то что! Но это не важно.

Я смотрю на нее, удерживаясь от сарказма. Рейчел отвечает прямым взглядом:

— А потом Ирэн показала мне кучу фотографий.

Тут Рейчел делает небольшую паузу. Не имея ни малейшего понятия, куда она клонит, я тем не менее будто слышу в своей голове зловецкий саундтрек. Рейчел достает плотный конверт размером восемь на десять, наверное, и кладет на столешницу. Долго, слиш-

Кобен Х.

К 55 Я тебя найду : роман / Харлан Кобен ; пер. с англ. В. Михайловой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-23601-1

Харлан Кобен — первый в списке десяти лучших детективных писателей Америки по версии «New York Times», лауреат премий «Шамус», «Энтони», «Эдгар», «Серебряная пуля». Его романы литературные критики называют гениальными, острыми и пронизательными, неизменно увлекательными, превосходными и обязательными для чтения. «Я не напрасно причисляю Кобена к великим писателям — возьмите любой из его романов, и вы погрузитесь в историю столь же запутанную, сколь захватывающую и при этом живую». Так отозвалась о нем Гиллиан Флинн, автор международного бестселлера «Исчезнувшая».

У Дэвида и Шерил есть все, о чем только можно мечтать: брак по любви, отличный дом в пригороде, ребенок. Но однажды ночью Дэвид просыпается и видит на себе кровь — не свою, а трехлетнего Мэттью. И хотя Дэвид твердо знает, что не убивал сына, улики против него неопровержимы.

Спустя пять лет Дэвида навещает в тюрьме сестра его жены — с ошеломляющей новостью и с фотографией, сделанной в парке развлечений. Мальчик на снимке выглядит так знакомо... Дэвид понимает, что это невозможно, но все же — это он, его Мэттью. Сын жив!

А значит, необходимо решиться на то, что кажется совершенно невыполнимым. Надо бежать из тюрьмы. Надо спасти сына. Надо очистить свое имя.

И узнать правду о случившемся в ту роковую ночь.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ХАРЛАН КОБЕН
Я ТЕБЯ НАЙДУ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Редактор Алла Косакова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Наталья Хуторная, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспага кол койылды 16.12.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,48. Заказ №

Иготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-RBD-32553-01-R